

18+

ЛИЯ РОСОВА

НЕ ВЫБИРАЙ МЕНЯ

Иногда главный выбор —
не другого человека

Лия Росова

Не выбирай меня

<https://litres.ru/74544028>

ISBN 9785007135047

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Вероника слишком долго ждала, когда её выберут. Первая любовь, брак, предательство, возвращения и новые чувства заставляют её снова и снова искать ответ на один вопрос: почему рядом с теми, кого она любит, ей приходится бороться за право быть нужной?

«Не выбирай меня» — психологический роман о любви, ожидании, сложных отношениях и моменте, когда человек наконец понимает, что иногда главный выбор — не другого человека.

Содержание

Пролог. 27 июня	5
Глава 1. Детство в маленьком посёлке	7
Глава 2. Мальчик, которого выбрали все	11
Глава 3. Девочка, которая обязана быть лучше	20
Глава 4. Три года спустя	22
Глава 5. Спасательница	25
Глава 6. Семья Паши	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Не выбирай меня

Лия Росова

© Лия Росова, 2026

ISBN 978-5-0071-3504-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. 27 июня

Телефон зазвонил уже после того, как Вероника закрыла последний файл.

В кабинете почти никого не осталось. Свет монитора резал полумрак, за окном давно потемнело, а на столе стояла кружка давно остывшего кофе.

На экране высветилось имя.

Паша.

Она несколько секунд смотрела на телефон, потом ответила.

— Да, слушаю. Мне некогда, говори быстро, что случилось?

Он спросил, когда она будет дома.

Вероника ответила раздражённо. Работы было слишком много.

— Я сама перезвоню, когда освобожусь.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Потом ты можешь не успеть.

— Ой, давай без драматизма. Я перезвоню.

Она закончила разговор и положила телефон рядом с клавиатурой.

Через минуту снова посмотрела на экран.

Ей стало немного неловко.

Но она всё равно вернулась к работе.

В тот вечер ей казалось, что самое важное ещё впереди.

Что домой она придет, выслушает очередные проблемы, поспорит, а потом всё снова станет обычным.

Она ещё не знала, что иногда обычный вечер оказывается последним.

Когда Вероника приехала домой, первым ей позвонил Елисей.

— Ник...

По его голосу она сразу поняла: что-то случилось.

— Что?

На несколько секунд он замолчал.

Потом сказал:

— Паша выпрыгнул из окна.

Вероника не ответила.

Она просто стояла посреди комнаты с телефоном у уха и пыталась заставить себя понять услышанные слова.

Глава 1. Детство в маленьком посёлке

Иногда мама всё-таки брала выходной. Для Вероники это были почти праздничные дни. Они могли вместе пойти в магазин, выбрать что-нибудь для дома, зайти за мороженым. Мама спрашивала, чего ей хочется, и почти всегда соглашалась.

— Ты у меня разбалованная, ну и ладно.

— Я знаю. Иногда мне кажется, что ты стараешься дать мне даже больше, чем у тебя самой было.

— Потому что ты должна понять, что любовь не нужно выпрашивать.

Вероника смеялась. Она не знала тогда, что за всем этим стояло огромное количество маминой работы. Мама старалась дать дочери всё, чего не было у неё самой: ощущение собственной значимости, понимание, что её слушают, что ей не нужно выпрашивать любовь.

И всё же Вероника росла с очень ясным ощущением: мама всегда справляется сама.

Она не видела, чтобы мама когда-то просила помощи. Не видела, чтобы она перекладывала ответственность. Поэтому позже, когда Веронике самой становилось тяжело, ей казалось почти естественным продолжать всё тянуть.

Утро в доме почти всегда начиналось до того, как просыпалась Вероника. Бабушка вставала первой, включала чайник, гремела посудой. Вероника иногда лежала под одеялом и слушала эти звуки, пока за окном только начинал светлеть двор. Это было странное детское ощущение безопасности. мир ещё не требовал от неё ничего, а дома уже кто-то всё сделал.

— Вставай, всех женихов проспишь.

Вероника ворчала, пряталась под одеялом, а потом всё равно вставала. Завтрак стоял на столе. Рюкзак был собран. Одежда приготовлена. Бабушка помнила даже те мелочи, которые сама Вероника забывала.

Мама приходила поздно. Иногда Вероника специально не засыпала, чтобы дожидаться её. Слышала ключ в замке, шорох пакета, тяжёлые шаги в коридоре.

— А что не спим? Завтра в школу не надо?

— Ждала тебя.

Мама садилась рядом. От неё пахло улицей и рабочим днём. Она выглядела уставшей, но никогда не отмахивалась от дочери.

— Рассказывай. Как прошёл твой день?

И Вероника могла часами рассказывать, кто с кем поссорился, что сказала учительница и какую игрушку ей хотелось. Мама слушала.

Наверное, именно поэтому Вероника никогда не воспринимала своё детство как несчастливое. Её любили. С неё дей-

ствительно сдували пылинки. Но одновременно она видела пример женщины, которая всё делает сама. Мама была сильной не потому, что выбрала это, а потому, что иначе было нельзя.

Ребёнок не спрашивает, хорошо это или плохо. Он просто запоминает.

Сильный человек справляется сам.

Вероника тогда ещё не знала, что однажды эта фраза станет для неё правилом.

Она с детства жалела всех.

Животных — особенно. Она могла принести домой промокшего котёнка, подкармливать его за спиной у бабушки, а потом неделю искать ему хозяев. Если во дворе появлялась собака с больной лапой, Вероника первая пыталась найти того, кто сможет помочь.

Людей она тоже жалела.

Ей всегда казалось, что за чужой грубостью обязательно скрывается какая-то причина. Может быть, человеку плохо. Может быть, его кто-то обидел. Может быть, он сам когда-то был ребёнком, которого никто не пожалел.

Она ещё не знала, что эта способность видеть причину за плохим поступком однажды станет её главной ловушкой.

Мама почти всё время работала, поэтому значительную часть детства Вероника проводила с бабушкой. Маму она любила очень сильно. Они с мамой были как лучшие подруги.

Но детство научило её одной простой вещи: взрослые устают, поэтому лучше не приносить им лишних проблем.

Если больно — потерпеть.

Если страшно — справиться.

Если кто-то просит помощи — помочь.

Если кому-то тяжело — не рассказывать о собственных трудностях.

Она росла активной. Чем старше становилась, тем больше ей хотелось движения. Она могла выйти из дома за хлебом и вернуться через несколько часов, потому что по дороге встретила человека, поехала куда-то, решила помочь, заглянула в магазин, зашла к знакомому.

Но от людей она быстро уставала.

Вероника словно считывала настроение ещё до того, как человек успевал его показать. Иногда она сама не понимала, почему вдруг становится тревожно, пока не замечала, что человек рядом раздражён или напряжён.

Ей требовалась тишина.

Именно тишина всегда помогала отличить собственные чувства от чужих.

Глава 2. Мальчик, которого выбрали все

В седьмом классе в посёлок переехал Паша.

Для Вероники это событие поначалу не значило ничего. Она увидела нового мальчика примерно так же, как каждый день видела десятки знакомых лиц: посмотрела, отметила, что он теперь здесь, и пошла дальше по своим делам.

Для остальных девочек всё выглядело иначе.

В течение нескольких дней имя Паши стало звучать на каждой перемене. Девочки обсуждали, как он выглядит, кто с ним уже успел познакомиться, где он жил раньше. Кто-то специально проходил мимо него по коридору, кто-то начал смеяться громче, когда он оказывался рядом.

Вероника наблюдала за этим со стороны и совершенно не понимала причины ажиотажа.

— Что вы все в нём нашли? Я смотрю на вас и не понимаю: будто к вам в класс приехал не мальчик, а какой-то местный знаменитый человек.

Подруга посмотрела на неё с удивлением.

— Ты серьёзно? Ты просто не хочешь признавать, что он тебе тоже интересен.

— Мне непонятно, чего в нём такого, что вам всем так вскружило голову.

Подруга только усмехнулась. Объяснять очевидное человеку, который пока ещё ничего не чувствует, бессмысленно.

Паша стал учиться в её классе. Сначала они просто разговаривали. Потом стали чаще видаться и после уроков. Потом дружба возникла сама собой — без признаний, без обещаний, без какого-либо момента, который можно было бы назвать началом.

Он был воспитанным. Не показательно воспитанным, когда человек словно демонстрирует хорошие манеры, а естественно. Он мог подать руку, если Веронике было неудобно спускаться по лестнице, подхватить тяжёлую сумку, уступить место, заметить, что она мёрзнет.

Для подростка такие мелочи иногда становятся важнее громких слов. Особенно когда ты ещё не умеешь объяснить себе, почему они так действуют.

Они много гуляли. Могли вечером просто идти по посёлку без цели, обсуждать музыку и о чём-то спорить. Иногда разговоры тянулись дольше, чем сама прогулка. Веронике нравилось, что с ним можно было не придумывать тему для разговора. Молчание не казалось неловким.

Паша учил её кататься на роликах и коньках. Он не делал за неё то, что она могла сделать сама. Просто оставался рядом, пока она училась.

Однажды она снова упала и раздражённо сняла ролик.
— Всё, хватит. Я больше не могу. У меня буквально ноги не слушаются.

— Вставай, ролики — это не проблема для тебя. Попробуем ещё раз, только медленнее.

— Мне кажется, я сейчас упаду и все будут смеяться.

Паша посмотрел на неё серьёзнее, чем обычно.

— У них нет повода для смеха. Ты не выглядишь глупо. Ты просто делаешь то, чего раньше не умела. Это не одно и то же. Неловкость проходит, если не превращать её в приговор себе.

— Ты всегда так спокойно говоришь, будто всё на свете можно объяснить двумя предложениями.

— Не всё. Но почти всегда можно отделить «я пока не умею» от «со мной что-то не так». Первое лечится практикой. Второе обычно появляется, когда мы слишком долго слушаем чужие оценки.

Тогда она почти не придавала значения этой фразе. Впоследствии ей будет странно вспоминать, сколько раз человек может совершенно случайно сказать тебе что-то, смысл чего ты понимаешь только спустя годы.

Был и первый мотоцикл. Они ещё были школьниками, и сама поездка казалась чем-то почти взрослым. Вероника села сзади и сразу предупредила:

— Только не гоняй. Я не хочу потом ходить раненой.

— Тогда держись за мою руку столько, сколько нужно.

На несколько минут не осталось ни школы, ни оценок, ни других людей. Только дорога и ощущение свободы.

Именно из таких моментов позже сложится её образ Па-

ши: не из одного великого поступка, а из сотен маленьких эпизодов, в которых рядом с ним было хорошо.

Но почти незаметно дружба стала для Вероники чем-то большим.

Она ещё не называла это любовью. Это было бы слишком серьёзным словом для школьницы. Но она уже знала, что ищет его глазами в коридоре, замечает, с кем он разговаривает, и запоминает вещи, которые другие даже не замечают.

И именно тогда в её жизни появился первый взрослый конфликт, который никак не был связан с учёбой.

Однажды классный руководитель попросила её задержаться.

Учительница говорила спокойно. В её голосе не было крика, но Вероника сразу почувствовала: это не совет, а решение, которое пока оформляют как совет.

— Вероника, тебе нужно серьёзно подумать о том, чтобы после девятого класса уйти. Ситуация складывается так, что дальше тебе будет только тяжелее.

— Почему? Я хочу доучиться до одиннадцатого класса.

— Ты не сможешь доучиться, тебе надо уйти раньше. В другом месте тебе будет проще.

— Я правильно понимаю, что мне нужно уйти не потому, что я плохо учусь или плохо себя веду, а потому, что кому-то просто так спокойнее?

Учительница выдержала паузу.

— Я не собираюсь сейчас обвинять кого-то напрямую. Но иногда разумнее уйти туда, где тебя будут оценивать по твоей работе.

Вероника вышла в коридор с ощущением, которое не смогла сформулировать. Ей не предъявили конкретного нарушения. Не назвали причину. Но дали понять, что её присутствие здесь уже стало нежелательным.

Позже она узнала, что дочь классного руководителя была влюблена в Пашу и ревновала его к ней. Доказательств у Вероники не было. Но было слишком много совпадений, чтобы она могла совсем не замечать связь.

После отказа Вероники покинуть школу отношение некоторых учителей стало меняться. Там, где раньше ей объясняли ошибку, теперь ставили двойку. Там, где другому ученику делали замечание, Веронику могли выставить виноватой публично.

Но самым болезненным оказался другой эпизод.

Они с двумя девочками из класса однажды прогуляли физкультуру. Обычная подростковая глупость. Не преступление, не катастрофа — тот самый проступок, после которого нормальный взрослый разговор занимает несколько минут.

Их вызвали вместе с родителями в кабинет директора.

В комнате были девочки, их родители, мама Вероники и директор. Вероника стояла рядом с мамой и чувствовала на себе сразу два взгляда: строгий взрослый и тревожный ма-

теринский.

Директор сначала говорила о дисциплине. Затем повернулась к одной из девочек — той самой, которая прогуляла урок вместе с Вероникой.

И произнесла при всех:

— Ты что, за Вероникой тянешься? Сама не можешь думать, с кем тебе дружить и каким человеком быть?

Вероника не ожидала, что одна короткая фраза может так обжечь.

Она знала, что та девочка уже с раннего возраста встречалась с мальчиками и вообще не считалась примером спокойного школьного поведения. Позже, в одиннадцатом классе, она забеременела. Но именно поэтому Веронике было особенно больно: директор словно поставила рядом две судьбы и объявила, что первой нужно бояться, а второй — стыдиться.

Вероника была скромной. Не искала конфликтов. Этот прогул был одной из немногих подростковых глупостей, которые она позволила себе.

Но фраза прозвучала не только в адрес другой девочки. Вероника услышала в ней собственную характеристику.

За Вероникой нельзя тянуться.

Значит, от неё нужно держаться подальше.

Значит, с ней что-то не так.

И хуже всего было то, что всё это слышали все.

Девочки. Их родители. Её мама.

Она не заплакала. Внутри было слишком много гордости, чтобы плакать перед людьми, которые уже решили, какая она.

После разговора мама шла рядом с ней молча.

— Я до сих пор не могу понять, почему она так сказала. Я ведь даже ничего такого не сделала.

— Потому что взрослый человек тоже может говорить несправедливо. Тебе не обязательно принимать чужую оценку только потому, что её произнесли в кабинете директора.

— Но она директор. Её слушают родители, учителя, дети. Её слова для всех звучат как приговор.

— Должность даёт власть, но не делает человека безошибочным. Запомни это сейчас, потому что во взрослой жизни тебе ещё много раз встретятся люди, которые будут говорить уверенно и при этом ошибаться.

Вероника посмотрела на неё.

— А если все ей верят? Что тогда останется мне, если любой человек может сказать обо мне что угодно и остальные просто примут это за правду?

— Останешься ты сама. И то, как ты себя знаешь. Люди могут обсуждать тебя сколько угодно, но если ты начинаешь сама смотреть на себя их глазами, вот тогда они действительно получают власть над тобой.

Это был один из тех разговоров, которые ребёнок понимает только частично. Мама не могла отменить случившееся. Она могла только помочь дочери не принять чужую оценку

за объективную правду.

Но школа продолжила давить. Учителя поддерживали классного руководителя. Двойки стали появляться чаще. Иногда Вероника возвращалась домой и открывала тетради не потому, что нужно было учиться, а потому что хотела доказать: она не глупая, не ленивая, не безнадёжная.

И в этом была первая ловушка её взрослой жизни.

Когда человеку однажды приходится доказывать, что он хороший, он может начать считать доказательство обязанностью.

Вероника ещё не знала терминов «синдром хорошей девочки», «гиперответственность» или «потребность в одобрении». Но она уже жила по их законам.

Она решила стать настолько правильной, чтобы ни у кого больше не возникло даже мысли назвать её плохой или глупой.

В десятом классе она поняла: ещё один год в этой системе она просто не выдержит.

Она не стала воевать со школой. Не доказывала, что директор неправа. Не требовала справедливости, которая в тот момент казалась ей невозможной.

Она подала документы в колледж в Волгограде.

Это решение было первым случаем, когда Вероника выбрала не то место, где её хотят видеть, а то, где хочет находиться сама.

Перед отъездом она ещё думала о Паше.

Может быть, он заметит, что её больше нет рядом. Может быть, спросит. Может быть, поймёт, как много она для него значила.

Но Паша остался в посёлке.

Вероника уехала в Волгоград.

Глава 3. Девочка, которая обязана быть лучше

В колледже Вероника уже почти никогда не сомневалась в своей способности учиться. Если ей что-то не давалось, она оставалась дольше. Читала ещё раз. Разбиралась. Переспрашивала.

Она не могла объяснить, почему это для неё так важно. В ней сидела старая потребность доказать: «Я могу».

Работа в налоговой эту потребность закрепила. Чем сложнее была задача, тем спокойнее ей становилось после того, как она её решала. С цифрами было проще: они не обижались, не манипулировали, не обещали одного и не делали другого.

Человек мог сказать: «Я всё исправлю», а цифра просто показывала, исправил он или нет.

Наверное, поэтому Веронике было легче жить в мире задач, чем в мире отношений.

В следующие годы она начала учиться не только ради знаний. Ей нужно было внутреннее доказательство. Она хотела видеть пятёрки и думать: «Я могу». Хотела, чтобы люди спрашивали у неё совета. Хотела, чтобы никто больше не мог поставить её ниже других.

Это стало её сверхспособностью и её ловушкой одновре-

менно.

Она научилась быть полезной настолько, что люди действительно начали в ней нуждаться.

Проблема была только в одном: когда ты привык доказывать свою ценность результатами, становится страшно просто быть собой. Без диплома. Без оценки. Без решения чужой проблемы.

Вероника ещё не знала этого. Но первая формула её будущих отношений уже была написана:

«Если я буду достаточно хорошей, меня невозможно будет не выбрать». В детстве это звучало как надежда. С годами стало внутренним законом.

Глава 4. Три года спустя

К тому времени Вероника уже закончила колледж и работала в Волгограде.

Она привыкла к новой жизни быстрее, чем сама ожидала. Работа занимала большую часть времени. В ней было что-то успокаивающее: документы, сроки, цифры, понятные правила. Здесь не нужно было угадывать, что человек имеет в виду. Достаточно было проверить факты.

Паша после армии вернулся в посёлок.

Когда Вероника снова его увидела, ей было странно одновременно узнавать и не узнавать его. Перед ней стоял уже взрослый мужчина, но память всё ещё держала другого Пашу — школьного, знакомого до мелочей.

В тот вечер они были в большой компании.

Паша много говорил. О службе. О девушке, которая ему изменила. О том, что он больше её не любит и ему всё равно.

Чем больше он говорил, тем сильнее Вероника слышала в его голосе не равнодушие, а обиду.

— Это действительно так или ты просто хочешь, чтобы я поверила, что она тебе больше не нужна?

Паша пожал плечами.

— Я не знаю. Я бы хотел сказать уверенно, что всё прошло, но, если честно, внутри ещё многое не отпустило.

Потом он рассказал, что начал употреблять запрещённые

вещества.

Вероника насторожилась. Хотела сказать, что это плохо, но остановилась.

Это его жизнь.

Его выбор.

И ему самому придётся с этим справляться.

Он проводил её домой.

На следующий день Вероника уехала в город.

Почти сразу пришли сообщения.

По посёлку ходили слухи о них. Паша писал, что слухи о них дошли до его бывшей девушки.

Вероника не поверила своим глазам.

— Ты серьёзно думаешь, что я могла рассказать такое? Что я пошла бы обсуждать тебя по всему посёлку, ещё и на личные темы?

Он отвечал неуверенно.

Ей стало больно.

Она могла простить его неуверенность.

Но не сомнения в ней.

— Тогда скажи это мне в лицо: ты мне не доверяешь. Не прячься за словами «я не знаю». Я выдержу правду, но не смогу принять, если человек, которому я доверяла, начнёт сомневаться во мне из-за чужих разговоров.

— Я не хотел ставить тебя под сомнение.

После этого они перестали поддерживать связь.

Прошло три года.

За это время Вероника привыкла к своей самостоятельной жизни. Работала. Училась решать проблемы сама. Строила планы, в которых Паши уже не было.

Только где-то глубоко он всё ещё оставался.

Иногда она думала о нём перед сном.

Иногда ловила себя на том, что ищет знакомые черты в прохожих.

Она не ждала его возвращения.

По крайней мере, сама себя в этом убеждала.

Пока однажды на экране телефона не появилось сообщение:

«Я теперь в Волгограде».

Она смотрела на него долго.

Потом написала:

«Привет».

Так три года тишины закончились двумя словами.

Глава 5. Спасательница

Сначала Вероника не замечала, как сильно изменилась её речь.

Раньше она спрашивала:

— Чего ты хочешь?

Потом всё чаще:

— Что нам теперь делать?

Это маленькое «нам» казалось ей естественным.

Паша совершил ошибку — значит, проблема их общая.

Он не работал — значит, нужно придумать, на что они будут жить.

У него возникли неприятности — значит, нужно было решить их как можно быстрее.

Постепенно его проблемы стали звучать в её голове как собственные.

Паша редко говорил прямыми словами «спаси меня».

Он говорил иначе.

«У меня проблемы».

«Мне сейчас тяжело».

«Я не знаю, что делать».

«Кроме тебя, никто не поможет».

И каждый раз внутри Вероники сначала поднималась тревога, а за ней почти сразу приходила мысль: что делать?

Она могла ехать через весь город ночью, чтобы решить вопрос, который вообще-то не был её вопросом.

Могла переводить деньги, которых самой было мало.

Могла не спать и до утра искать решение, словно от него зависело нечто действительно жизненно важное.

Однажды Паша спросил:

— Ты ведь не бросишь меня, когда всё это закончится? Когда я действительно начну выбираться, ты останешься рядом?

Она ответила почти сразу:

— Я останусь рядом, пока ты сам идёшь вперёд. Но я больше не хочу отвечать за каждый твой шаг.

Тогда она считала эти слова доказательством любви. Позже она поймёт, что обещание быть рядом и обещание прожить чужую жизнь — совсем не одно и то же.

Но тогда границы между этими двумя вещами почти не было.

Потом употребление снова стало частью его жизни.

Паша мог не работать.

Мог занимать деньги.

Мог исчезать.

А потом возвращаться с новой историей.

У него всегда находилась причина.

Семья.

Мать.

Елисей.

Детство.

Смерть отца.

Люди вокруг.

Неправильные друзья.

Плохая жизнь.

Вероника слушала и всё чаще думала:

«Он не плохой. Ему просто тяжело».

Эта мысль успокаивала её.

Она позволяла не задавать себе более неприятный вопрос.

Что, если причина ничего не меняет?

Однажды Паша попросил оформить кредит.

— Я верну тебе деньги. Мне просто нужно сейчас закрыть эту проблему, а потом я всё восстановлю.

Вероника посмотрела на него.

— Мне важно понимать, что это не очередное обещание, которое закончится словами. Я уже слишком много раз верила в «потом».

— Я понимаю, почему ты мне не веришь. Но дай мне шанс показать это делом.

Она согласилась.

Потом был ещё один кредит.

И ещё.

В итоге платила она.

Паша перестал работать.

Все проблемы постепенно начали ложиться на Веронику.

Она не могла уйти.

Не потому, что не понимала, что происходит.

Потому что внутри звучало:

«Без меня он пропадёт».

Потом появилась другая мысль:

«Только я его понимаю».

Следом:

«Все от него отвернулись, а я не могу».

А потом самая опасная:

«Он такой не потому, что он плохой. Ему просто слишком много досталось».

Она стала следить, сколько у него денег.

Куда он пошёл.

Кто ему звонил.

С кем он общается.

Что происходит дома.

Ей казалось, что таким образом она удерживает ситуацию под контролем.

На самом деле вся её жизнь постепенно начала вращаться вокруг чужой жизни.

Паша падал.

Она поднимала.

Он разрушал.

Она исправляла.

Он обещал.

Она верила.

Снова и снова.

И однажды Вероника поймала себя на мысли, от которой стало страшнее, чем от любой очередной проблемы:

она уже не знала, любит ли Пашу или просто боится того, что случится, если перестанет его спасать.

Глава 6. Семья Паши

Иногда Вероника наблюдала за Пашей, когда рядом были его младшие сёстры. С ними он становился совсем другим. Мог поправить им шапку, купить что-нибудь сладкое, спросить, как прошёл день. Девочки смотрели на него как на взрослого, хотя он сам был ещё слишком молод, чтобы быть для них почти родителем.

— Ты же понимаешь, что не обязан всю жизнь быть человеком, который держит на себе всю семью? Помогать можно, но это не значит, что ты должен исчезнуть внутри их проблем.

Паша пожал плечами.

— А кто будет этим заниматься, если не я? У нас всегда было так: стоит мне отвернуться, и всё начинает разваливаться.

Ответа у неё не было.

Они оба выросли внутри одной и той же идеи: любовь — это когда ты остаёшься, даже если это разрушает тебя.

Она не видела в этом опасности. Наоборот, ей нравилось ощущение своей нужности.

«Только я его понимаю».

Фраза звучала почти романтично. Но за ней постепенно исчезало главное: Паша должен был сам хотеть менять свою жизнь.

Семья Паши словно жила в постоянной чрезвычайной ситуации.

Его отец погиб ещё тогда, когда Паша учился в школе.

Мать много выпивала.

Елисей тоже был зависим.

У Паши были маленькие сёстры-двойняшки, которых они подростками часто забирали гулять, потому что дома было небезопасно оставаться без присмотра.

Паша с детства привык быть взрослым.

Он пытался следить за матерью.

Следить за Елисеем.

Следить за сёстрами.

Если кто-то пил — он был виноват.

Если кто-то употреблял — он должен был что-то сделать.

Если в доме происходил скандал — он пытался его остановить.

Вероника долго считала, что именно поэтому он не может жить нормально.

Она говорила:

— Ты не обязан отвечать за каждого взрослого человека вокруг себя. Ты имеешь право выбирать собственную жизнь, даже если остальные недовольны.

Он отвечал:

— Ты не знаешь, что такое проснуться и первым делом проверять, кто сегодня пьян, кто трезв и кто опять устроил дома скандал.

И у неё не хватало сил сказать правду:

«Они сами».

Потому что она тоже не была готова это принять.

Она всю жизнь была человеком, который считал иначе.

Если ты способен помочь — ты обязан помочь.

Если можешь решить — реши.

Если видишь проблему — нельзя пройти мимо.

Так Паша и Вероника встретились в самом опасном месте своей психики.

Он считал себя ответственным за всех.

Она считала себя ответственной за него.

Каждый спасал чужую жизнь вместо собственной.

И чем сильнее они старались, тем глубже тонули.

Глава 7. Астрахань или ещё одна попытка начать заново

Волгоград к тому времени уже перестал казаться Веронике местом, где можно было начать всё заново.

Они снова жили там, снова пытались работать, снова обещали друг другу, что дальше будет иначе. Но обещания Паши постепенно превратились в слова, которые Вероника слышала, но уже не могла на них опереться.

Он мог сказать:

— Всё будет нормально.

Она могла кивнуть.

Могла даже ответить:

— Конечно.

А через несколько часов обнаруживала себя с телефоном в руках, проверяющей, где он, с кем он и зачем ему снова понадобились деньги.

Доверия между ними почти не осталось.

Наверное, именно это и было самым точным определением их отношений.

Однажды Паша пришёл домой и сказал, что ему предложили работу в Астрахани.

— Елисей тоже едет, — добавил он. — Нас берут вместе. Нормальная работа. Будем жить там, работать. Может, хоть там всё получится.

Вероника слушала его молча.

Слово «работа» почему-то не вызвало у неё облегчения.

Скорее наоборот.

Она слишком хорошо знала Пашу. Знала, сколько раз за этим словом скрывались обещания, которые заканчивались тем же самым: пропавшими деньгами, долгами, объяснениями и очередным «последним разом».

— Ты действительно собираешься работать? — спросила она.

Паша нахмурился.

— А что я, по-твоему, собираюсь делать?

— Я не знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она посмотрела на него.

— Потому что хочу тебе верить.

Он отвернулся.

Вечером они ещё долго говорили о переезде.

— Я уеду туда и всё начну заново, — убеждал Паша. —

Здесь только всё напоминает о старом. Там другой город, другая работа. И брат будет рядом.

Вероника кивала, но внутри у неё всё сжималось.

Она не хотела всё бросать.

У неё была работа в Волгограде. Работа, которую она любила. Коллеги, к которым привыкла. Стабильность, которую она с таким трудом построила.

И всё же за каждой мыслью «я останусь здесь» возникала другая:

А что, если он уедет один и сорвётся?

Она знала, чем всё это обычно заканчивается.

Она знала, что если что-то случится, он всё равно позволит ей.

И она всё равно будет решать.

Только уже из другого города.

На следующий день она пришла на работу и долго смотрела на заявление об увольнении.

Ручка лежала рядом.

Несколько минут она ничего не писала.

Эта работа была для неё больше, чем просто зарплата.

Здесь она наконец доказала себе то, что когда-то не смогла

доказать школе.

Она умела.

Она знала.

Она была хорошим специалистом.

К ней приходили за консультациями, звонили из других регионов, спрашивали её мнение. Ей доверяли.

И теперь она сама от себя отказывалась.

Ради человека, которому не могла доверять.

Она всё-таки подписала заявление.

Через некоторое время устроилась в налоговую Астрахани.

Когда Вероника сказала Паше, что поедет вместе с ним, он почему-то не обрадовался.

— Ты серьёзно?

— А я похожа на человека, который шутит, увольняясь с работы и переезжая в другой город?

Он помолчал.

— Я думал, ты останешься.

Вероника усмехнулась.

— А я думала, что ты будешь работать.

Паша посмотрел на неё раздражённо.

— То есть ты едешь только потому, что мне не доверишь?

Она ответила не сразу.

— Я еду потому, что знаю тебя.

В этих словах не было злости.

Только усталость.

Через несколько недель они оказались в Астрахани.

Первые дни Веронике даже хотелось поверить, что она ошибалась.

Новый город.

Новая работа.

Новая квартира.

Другой ритм.

У неё снова появились рабочие документы, таблицы, звонки, люди, которым требовалась её помощь. Днём жизнь казалась почти нормальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.